

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
------------------------------	---

РУССКАЯ КЛАССИКА

<i>Ю. Г. Оксман, В. В. Пугачев.</i> Пушкин, декабристы и Чаадаев	11
<i>Юрий Дружников.</i> Дуэль с пушкинистами.	16
<i>Юрий Дружников.</i> Смерть изгоя	16
<i>Юрий Дружников</i> под градом послушливых стрел.	21
<i>А. Б. Пеньковский.</i> Нина	27
<i>М. В. Муратов.</i> Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их дневникам и переписке	32
<i>Павел Басинский.</i> Лев в тени Льва. История любви и ненависти . .	38
<i>Daniel Rancour-Lafarriere.</i> Tolstoy on the Couch: Misogyny, Masochism and the Absent Mother	42

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК И ПОСЛЕ

<i>Константин Мочульский.</i> Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов	45
<i>Валерий Брюсов.</i> Мировое состязание: Политические комментарии 1902–1924.	50
<i>Д. С. Мережковский:</i> pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников.	54
<i>Зинаида Гиппиус.</i> Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов	59
<i>Зинаида Николаевна Гиппиус.</i> Новые материалы. Исследования . .	59
<i>Темира Пахмусс.</i> Зинаида Гиппиус: Нуратия двадцатого века	65
<i>Ефим Курганов и Генриетта Мондри.</i> Василий Розанов и евреи . .	70
<i>Самуил Киссин (Муни).</i> Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем	75
<i>Эрих Голлербах.</i> Встречи и впечатления.	78
<i>Евгений Голлербах.</i> К незримому граду	82
<i>Алексей Зверев.</i> Набоков.	88
<i>Савелий Сендерович, Елена Шварц.</i> По ту сторону порнографии и морализма	94

ЛИТЕРАТУРА И ВЛАСТЬ

<i>Бенедикт Сарнов.</i> Сталин и писатели. Книга вторая	98
<i>Бенедикт Сарнов.</i> Сталин и писатели. Книга четвертая.	111
<i>Евсей Цейтлин.</i> Долгие беседы в ожидании счастливой смерти	120
<i>Семен Резник.</i> Вместе или врозь? Заметки на полях книги А. И. Солженицына	126
<i>Владимир Батшев.</i> Мой литературный календарь	132

XX ВЕК, ПРОЗА

<i>Владимир Нузов.</i> Разговоры вполголоса: Книга интервью.	141
Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс)	147
<i>Евгений Замятин</i> и культура XX века	152
<i>Лидия Яновская.</i> Записки о Михаиле Булгакове	156
<i>Георгий Демидов.</i> Любовь за колючей проволокой	159
<i>Николай Олин.</i> Третья скамейка слева	170
<i>Фридрих Горенштейн.</i> На Крестцах: Хроника времен Ивана IV Грозного	178
<i>Виктор Пелевин.</i> Чапаев и пустота	194
<i>Людмила Улицкая.</i> Даниэль Штайн, переводчик.	199
О творчестве Людмилы Петрушевской	206
<i>Альберт Мифтахутдинов.</i> Трехтомник	216
<i>Наталья Дорошко-Берман.</i> Красная гора.	225

XX ВЕК, ПОЭЗИЯ

<i>Сергей Петров.</i> Собрание стихотворений	229
<i>Евгений Сливкин.</i> Над Америкой Чкалов летит	244
Предисловие к книге Алексея Гарипова «Поэзия ухода».	248
<i>Белла Верникова.</i> Звук и слово.	251
<i>Катя Капович.</i> Прощание с шестикрылым	253
<i>Дмитрий Быков.</i> Борис Пастернак	257
<i>Соломон Волков.</i> Диалоги с Иосифом Бродским	269
Вспоминая Иосифа Бродского	275
Заключение. Хочется убить, а нельзя	289

ПРЕДИСЛОВИЕ

История этой книги вполне подойдет для введения. В 1995 г. началось мое регулярное сотрудничество с нью-йоркским «Новым Журналом», куда я был приглашен в качестве литературного обозревателя. В «Новый Журнал» поступало множество книг на рецензию, и я писал обо всех иногда короткие, а иногда пространные отзывы. Моя «служба» (естественно, неоплачиваемая) в «Новом Журнале» продолжалась девять лет. Для российского самосознания послеперестроечный период был очень важен. Кроме стихов и разнообразной прозы, свет увидела масса мемуаров, которые вскоре писать было бы уже некому. Запрещенные незадолго до того авторы, в том числе и эмигрантские, к середине девяностых годов были либо полностью, либо в основном опубликованы, но я и не собирался писать ни о Платонове, ни о Бунине (предмет обзора — новинки). «Новый Журнал» — ежеквартальное издание, и мне выделялось двадцать страниц в номер. Все краткие рецензии, вошедшие в эту книгу, были написаны именно тогда.

В 2005 г. я перешел в том же качестве и на тех же условиях во франкфуртские «Мосты», издаваемые в Германии «Литературным европейцем» (есть и ежемесячный журнал с таким названием). К тому времени интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни, а электронный текст одинаково быстро доходит как до Нью-Йорка, так и до Франкфурта. Сам я живу в Миннеаполисе, где работаю профессором Миннесотского университета. Но в «Мосты» (и в этом его отличие от «Нового Журнала») издательства книг не присылают. В моем распоряжении оказалась только продукция «Литературного европейца». Я почти полностью перешел на подножный корм, то есть стал выискивать текущую литературу сам — благо мой университет покупает тонны русских книг.

Новый режим имел очевидные недостатки (раньше я не должен был заботиться о материале), но, как выяснилось, и некоторые преимущества: в поле моего зрения попали книги, о существовании которых я в своем старом качестве не узнал бы никогда. Кроме того,

редактор «Нового Журнала» жестко контролировал каждое мое слово, а редактор «Мостов» предоставил мне полную свободу. В этой книге почти все длинные рецензии (и, конечно, всё о книгах, изданных после 2009 г.) — из «Мостов». В обоих случаях авторские права сохранялись за мной.

Уже давно несколько человек начали мне советовать собрать разбросанные по разным номерам опусы и выпустить книгой. Я отмахивался от этой идеи, но несколько лет тому назад А. Д. Кошелев, следивший за моей рецензентской деятельностью и знавший меня по переводу сонетов Шекспира, вышедшему в 2015 г. в «Языках славянской культуры», обратился ко мне с тем же предложением. Хотя я долго колебался, всё же потихоньку стал обдумывать, что включить в намеченный том. Накопилось-то не менее двух тысяч страниц. Некоторые книги (а следовательно, и рецензии на них) не представляли никакого интереса, и я сразу отверг их.

Пока я тянул и обдумывал, со сходным предложением обратился ко мне П. Ю. Жданов, издатель магаданского «Охотника». Там всё началось с того, что едва ли не в первый год моего сотрудничества с «Новым Журналом» на рецензию пришла книга профессора Северо-Восточного университета (Магадан) Р. Р. Чайковского, специалиста по теории и практике поэтического перевода. Мы стали регулярно переписываться, и возник постоянный контакт с «Охотником». Несколько лет тому назад П. Ю. Жданов, первоклассный фотограф, собрал фотоальбом о разбросанных еще по колымской земле материальных следах ГУЛАГа. Иллюстрации он снабдил текстом, а еще были там отрывки из воспоминаний о годах заключения (из серьезных авторов не только Шаламов и Демидов пережили тот кошмар), предисловие и заключение. Называлась книга «Исчезающее прошлое». Текст намечался двуязычный, и я вызвался отредактировать (фактически переписать) английскую часть. Книга получилась замечательная. Примерно тогда П. Ю. Жданов и написал, что хотел бы выпустить представительный том, в который бы вошли мои автобиографические очерки, стихи, избранные рецензии и статьи о русской литературе девятнадцатого века (Гоголь, Лермонтов, Боратынский и Тютчев). Получив это предложение, я занялся работой всерьез, распределив рецензии (насколько это было возможно) в соответствии с профилем обоих издательств. Магаданская книга называется «Сарынь на кичку». Она вышла в свет в 2022 г.

Здесь я должен сказать несколько слов о том, в какой степени я, не будучи профессиональным писателем, имею право оценивать

сочинения других авторов. Впрочем, одну большую художественную книгу (повесть) я всё же написал. Она называется «Отец и сын, или Мир без границ» (СПб.: Гуманитарная Академия, 2021). Она основана на дневниках, которые я долгие годы вел, наблюдая за развитием своего сына (от младенчества до поступления в университет и отъезда из дома, в котором он вырос). А стихи я пишу всю жизнь. По специальности я филолог. И моя кандидатская диссертация, и докторская были посвящены истории германских языков (английского и скандинавских), и первая моя серьезная книга называлась «Исландская просодика». До нее были лишь две учебные книжечки в серии «Разговорный английский язык» (их выпустил тогдашний «Учпедгиз», позже переименованный в «Просвещение»). Но я много занимался и историей литературы, особенно древнегерманской поэзией, мифами и исландскими сагами. Еще мне выпала удача быть редактором первого перевода на русский язык великой древнеанглийской поэмы «Беовульф».

В Америке я был редактором, частично переводчиком и комментатором английского издания трудов В. Я. Проппа (фольклор), Н. С. Трубецкого (три тома: языкознание, литература и евразийство) и моего учителя М. И. Стеблин-Каменского. Последние сорок лет я активно переводил поэтов русского золотого века на английский. Мои комментированные издания Лермонтова и Тютчева были опубликованы в Америке, а недавняя книга почти всей лирики Боратынского — в Англии. Несколько десятилетий я также вплотную занимаюсь этимологией, и пристальное внимание к истории каждого слова очень помогло мне в моей работе со стихами.

Начиная с самых ранних лет я писал рецензии на статьи и книги по языкознанию и педагогике. К тому времени, когда началось мое сотрудничество с «Новым Журналом», их уже набежало около ста, так что жанр критического отзыва, короткого и подробного, был мне хорошо знаком, но, конечно, чем больше я писал, тем глубже вживался в технологию жанра. Хотя работа критика полезна и интересна, благодарности за нее ждать не приходится. Недохваленные авторы обижаются, а поддержанные воспринимают одобрение как должное. Но рецензий ждут все, и их охотно читают. Времена Белинского, Писарева, Добролюбова и даже Власа Дорошевича давно прошли. В наши дни литературному критику не дано стать властителем дум, и я тем более рад, что два опытных издателя нашли возможным опубликовать мои избранные рецензии за последнюю четверть века. Эта книга никогда бы не вышла без многократных подталкиваний А. Д. Кошелева, которому я приношу мою искреннюю благодарность.

Деление книги на главы в комментариях не нуждается. К рецензиям я в самом конце добавил очерк, напечатанный очень давно в филаделфийском альманахе «Побережье». Он называется вызывающе и броско — «Хочется убить, а нельзя», но это не исповедь притаившегося убийцы, а мысли о построении сюжета, главным образом в романе. А заглавие книги взято из стихотворения Лидии Алексеевой (1909–1983), автора столь же замечательного, сколь и недооцененного. Вот это стихотворение:

Старый кот с отрубленным хвостом,
С рваным ухом, сажей перемазан,
Возвратился в свой разбитый дом,
Посветил во мрак зеленым глазом.

И спустясь в продавленный подвал,
Из которого ушли и мыши,
Он сидел и недоумевал,
И на зов прохожего не вышел.

Захрустело битое стекло,
Человек ушел, и тихо стало.
Кот следил внимательно и зло,
А потом зажмурился устало.

И спиной к сырому сквозняку,
Он свернулся, вольный и надменный,
Доживать звериную тоску,
Ждать конца — и не принять измены.

РУССКАЯ КЛАССИКА

Ю. Г. Оксман, В. В. Пугачев. *Пушкин, декабристы и Чаадаев / Сост., вступит. ст. и примеч. Л. Е. Герасимовой, В. С. Парсамова и В. М. Селезнева. Саратов: Журнал «Волга»: ИКД «Пароход», 1999*

Самое удивительное в этой интереснейшей книге, что она всё-таки вышла в свет (хотя и тиражом 400 экземпляров). Своим появлением она обязана трудам составителей, и более всего, видимо, Л. Е. Герасимовой, хранительницы архива В. В. Пугачева. Грант Президента Российской Федерации был, надо полагать, скромным. Книга напечатана мельчайшим шрифтом и распадается на листки даже при самом бережном с ней обращении.

Имя Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970) хорошо известно специалистам по русской литературе. Если бы кошмары советской жизни были хоть в какой-то пропорции смешаны с элементами веселости, то жизнь Оксмана могла бы послужить сюжетом захватывающей трагикомедии. Один из лучших знатоков декабризма, поклонник Белинского, знавший его, как и Пушкина, с любого места наизусть, исследователь творчества Чернышевского, то есть человек, которого власть могла бы и обласкать, был объектом едва ли не пожизненной травли: три ареста, десять лет колымских лагерей, гонения в Москве, изгнание из Горьковского университета за переписку с коллегами-эмигрантами и остракизм до конца дней (этими обстоятельствами сильно укороченных), а потом еще долго после смерти. Ссылали не только Пушкина за оду «Вольность», но и пушкинистов за статьи о ней. Дело было не в теме исследования, а в верности своим убеждениям, в нежелании гнуть спину перед начальством, то есть в силе и благородстве духа, которого не прощает никакое общество, а тоталитарное безжалостно искореняет.

Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998), ученик Г. А. Гукковского, был единомышленником Оксмана, хотя он и не во всём соглашался с ним — обстоятельство, которое может показаться странным только людям, выросшим за колючей проволокой и не узнавшим, что есть разница между соратником и эпигоном. Пугачев изучил декабризм в мельчайших деталях, и его сотрудничество с Оксманом было крайне плодотворным. После возвращения из лагеря Оксману разрешили преподавать в Саратовском университете, а в 1958 г. он вернулся в Москву, но в 1964 г. был отовсюду изгнан и вычеркнут из истории, так как его не только лишили средств к существованию и не печатали, но и имя его было «рекомендовано» не упоминать. В 1965 г. усилиями Пугачева, заручившегося поддержкой заведующего кафедрой русской литературы Г. В. Краснова, Оксмана пригласили в Горьковский университет, где он и проработал до последней расправы с ним КГБ в 1968 г. Его публиковали под псевдонимами (статьи о Пушкине!), и несколько мужественных людей на ответственных постах сделали этот обман возможным. Вслед за Оксманом уволили и Пугачева, но он дожил до перестроечных времен и смог многое сказать в полный голос в книге статей и очерков (соавтор — В. А. Гинес) «Историки, избравшие путь Галилея» под редакцией Л. Е. Герасимовой (Саратов: Издательский центр Саратовской гос. экономической академии, 1995).

В настоящую книгу, кроме предисловия, из которого почерпнуты вышеизложенные факты, и примечаний составителей, вошли четыре статьи Оксмана («Повесть о прапорщике Черниговского полка (неизвестный замысел Пушкина)», «Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине», «Политическая лирика и сатира Пушкина» и «Пушкинская ода “Вольность” (к вопросу о датировке)» (целая монография) и семь статей Пугачева («Предыстория Союза Благоденствия и пушкинская ода “Вольность”», «Декабрист Н. И. Тургенев и пушкинская “Деревня”», «К датировке послания Пушкина “К Чаадаеву”», «Пушкинский замысел царевубийства весной 1820 г. и декабристы», «Декабристы, Евгений Онегин и Чаадаев», «Из эволюции мировоззрения Пушкина конца 1820-х — начала 1830-х годов (“Арион”)» и «Кто победил 14 декабря?»). В качестве приложения напечатаны наброски Оксмана «Пушкин и декабристы. Подготовительные материалы к книге» (26 страниц).

Даже самые блестящие ученые, писавшие после революции, не могли не впитать фразеологию официальной науки. Клише псевдофилософского и политического словоблудия прилипало незаметно, и их уже почти не замечали. К тому же создалась иерархия частично

презираемых ценностей. На Маркса и Энгельса, несмотря на их обязательность, сослаться было не так стыдно, как на Ленина, но и Ленин казался почтенным автором по сравнению с корифеем всех наук, а ведь были еще Крупская и Калинин (классики педагогической мысли), Жданов и очередной генсек. Для каждого существовал свой глагол: «Уже Энгельс заметил по этому поводу...», «Как говорил еще Маркс...» Корифей «учил», Жданов и генсек «указывали».

Оксман, оригинальный мыслитель, скрупулезнейший исследователь, борец за научную истину, бескомпромиссностью и страстностью напоминавший столь любимого им Белинского, весь проникнут словесными штампами своего времени. Он пишет:

Отрывом от тайной организации, потерей прежней товарищеской среды и привычных навыков общественно-литературной работы объясняем мы деградацию Катенина не только как политического деятеля, но и как писателя. Его интересы мельчали и горизонты суживались. Радикальная позиция, в условиях отхода от реальной политической работы, вырождалась в отвлеченно-радикальную позу, в безответственное фрондерство, в беспредметный нигилизм (с. 29).

А рядом мнение Пушкина:

Мы все, по большей части, привыкли смотреть на поэзию, как на записную прелестницу, к которой заходим иногда поврать и поповесничать, без всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасных ее прелестей. Катенин, напротив того, приезжает к ней в башмаках и напудренный и просиживает у нее целую жизнь с платонической любовью, благоговением и важностью (с. 30).

Какой немислимый контраст! И всюду «революционная подпольная работа», «ликвидаци[я] всего левого фланга Союза спасения, частью в порядке чистки Союза спасения, частью в порядке отхода от последних наиболее радикальных (хотя бы в вопросах только тактики) элементов», «стихотворные агитки Пушкина этой поры и легальные оппозиционные вещи», «мощное влияние на новые кадры декабристской молодежи» и даже «дореволюцион[ные] литературовед[ы] идеалистического толка». На этом фоне почти пародийно звучит высказывание о Катенине: «Мемуарист многого, конечно, не договаривал, порою явно хитрил — четверть века цензурно-полицейского террора последекабристской поры отучили людей его положения от прямых политических деклараций» (с. 35). Историки новейшей русской

культуры не должны будут судить людей, живших при социализме, по их восприимчивости к подлому языку эпохи и осуждать их слишком поспешно. Вырезая дно последнего британского корабля, капитан Немо воскликнул: «Не хочу, чтобы твои обломки смешались с благородными останками “Мстителя”». Не надо также укладывать в одну братскую могилу и Оксмана с Ермиловым.

В теме «Пушкин и декабристы» существен вопрос о датировке оды «Вольность». Оксман настаивал на 1819 г. и считал «Вольность», как и «Деревню», стихотворением, написанным по прямому заданию декабристов. Традиционная дата — 1817 г. Ее же придерживался Пугачев, подробно исследовавший влияние Н. И. Тургенева на Пушкина («Хромой Тургенев им внимал / И, плети рабства ненавидя, / Предвидел в сей толпе дворян / Освободителей крестьян»). Но никто из толкователей «Вольности» не смог убедительно пояснить, к кому относятся строки: «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу». Скорее всего, не к Наполеону (ни в 1817, ни в 1819 г. метать стрелы в Наполеона на стоило). Наверняка не к Александру, но едва ли и к Павлу (какие дети?). А для «тирана вообще» вроде бы слишком конкретно. В том же, что касается датировки «К Чаадаеву», Пугачев принял точку зрения Оксмана: не 1818, а 1820 г., «когда Чаадаев понадобился Союзу Благоденствия как крупный теоретик. Началась борьба за него» (с. 164). Оксман считал Чаадаева прототипом Евгения Онегина. Пугачев добавляет: «Но наряду с основным прообразом были и другие — А. Н. Раевский, С. И. Тургенев. Люди, по тем или иным причинам уклонившиеся от борьбы. Порой скептики, порой “лишние люди”. *Тун* Онегина по сравнению с прототипом оказался отчасти сниженным, отчасти более многогранным» (с. 192).

Кредо Оксмана в отношении политической лирики Пушкина таково:

Мы несколько не склонны полагать, что влияние платформы Союза Благоденствия всегда являлось фактором благотворным. Под воздействием лидеров правого крыла Союза (Ф. И. Глинки, Н. И. Тургенева) Пушкин иногда вынужден идти в своих декларациях на уступки, которым сам явно не сочувствовал... Даже выполняя прямые литературно-политические поручения Союза... Пушкин иногда шел впереди своих заказчиков, подавая более правильные решения тех задач, которые они ему навязывали. Поэтому легальные и нелегальные произведения Пушкина сыграли в общереволюционном подъеме всей страны накануне 14 декабря несравненно более

крупную роль, чем вся прочая, вместе взятая, агитационно-пропагандистская литература декабристов (с. 70–71).

Пугачев рассказывает, как опасно было писать о монархизме (ибо параллели возникали мгновенно) и как бесстрашно Оксман разрушал легенду М. В. Нечкиной и ее школы, «зачислившей в число республиканцев, революционеров-демократов столько писателей, мыслителей, сколько не подозревало даже Третье отделение» (с. 218). Он же говорит о довольно давнем уже повороте русской литературной критики от социологизма, который главное у Оксмана, к эстетизму и к Пушкину — творцу сладких звуков. Дело литературоведения заниматься литературой, а не политикой, и не жалко было бы расстаться с социологическим креном советской эпохи и ее мертвящим языком, если бы, как всегда при смене веков, не выплеснули с водой и младенца.

Эта книга о декабристах. Кто же победил 14 декабря? Пугачев пишет так:

Победу 14 декабря никто не одержал. Романовы жестоко заплатили за разрыв с обществом. В исторической перспективе последствия оказались неожиданными и непредвиденными для участников трагедии. Виселицы и каторга и неразрывно связанное с ними Третье Отделение породили два устойчивых образа: голубых мундиров и святых мучеников. Они усугубляли с каждым десятилетием всё больше и больше противостояние власти и общества (с. 220);

Вся николаевская система, как и он сам, покончила самоубийством (с. 221, примеч. 21).

Юрий Дружников. *Дуэль с пушкинистами.* М.: Хроникер, 2001

Юрий Дружников. *Смерть изгоя... По следам неизвестного Пушкина: Роман-исследование.* Baltimore: Seagull Press, 2001

Дуэль с пушкинистами затеял не Юрий Дружников. «Бойтесь пушкинистов» — тоже сказал не он. Позволю себе привести отрывок из книги Виктора Шкловского «Гамбургский счет»:

Есть гардиновская лента «Поэт и царь». Две части этой ленты заняты фонтаном. Настоящее название ленты поэтому «Поэт и фонтан». Пушкину здесь подарили молодость, которой он не имел перед смертью, красоту и идеологическую выдержанность. Крестьянам он читал народные стихи. А Николая он ненавидел. Дома Пушкин сидел и писал стихи. На глазах у публики Пушкин садится за стол. Посидел немножко, встал и прочел: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

В семейной жизни Пушкин до Гардина говорил, что, имея дома повара, можно обедать в ресторане. Но теперь он исправился. Сидит дома, жену любит одну, а детей катает на спине. Настоящего Пушкина, очевидно, понять нельзя. Сделали чучело.

Когда Пушкина убили, то положили в ящик и отправили с фельдъегерем в деревню зарыть. Постановщик окружает дорогу факелами. Получается красиво, но смысл перевозки ящика с трупом, кража трупа у славы не получается. Павильоны большие и маскарад, конечно, разные маски, которые должны, очевидно, изображать душу Пушкина. Пушкин же погиб глухо на околице; вскрыли его бумаги — и друзья удивились: «Пушкин думал, Пушкин был мыслитель».

Булгарин, конечно, изображен в отрывочке и злодеем. Ходит и покупает «Современник». Тут еще Гоголь стихи слушает. Про хронологию, конечно, и говорить не приходится. Исторически достоверен, вероятно, халат Пушкина.

Всё вместе напоминает рисунок для обучения иностранному языку: в одном углу косят, в другом сеют, в третьем пожар, в четвертом